

*К вопросу об антистарообрядческой деятельности
архиепископа Аркадия (Федорова)*

Архиепископ Аркадий (Федоров) известен прежде всего своей антистарообрядческой деятельностью. Годы его пребывания на Пермской кафедре (1831-1851 гг.) ознаменовались активной миссионерской работой и насильственным насаждением в епархии единоверия. Заслуги Аркадия в этой области были по достоинству оценены в Петербурге: Пермскому преосвященному было доверено обращение старообрядцев и в соседних епархиях, что привело, однако, к недовольству местных архиереев. Сохранились глухие сведения о конфликте между Аркадием и Афанасием Тобольским. Старообрядцы Тобольской епархии, под предлогом своих связей с Екатеринбургом, соглашались на переход в единоверие с тем условием, что они будут зависимы не от Тобольской, а от Пермской кафедры. «Кроме того, один действовавший на территории Тобольской епархии пермский миссионер вел себя не совсем хорошо».¹ Судя по тексту статьи об Афанасии, именно его инициативе следует приписать то, что Синод в конце концов «определил действовать архиереям в пределах своих епархий».² Но до того, как это произошло, архиепископ Аркадий постарался под предлогом миссионерской деятельности максимально распространить свою власть. Жертвой одной из таких попыток стал пономарь Иван Кузовников.

2 октября 1840 г. Иван Кузовников пишет жалобу императору, всячески подчеркивая свое изначально скорбное положение: «В прошлом 1812м году по воспоследовавшей Божиею волею смерти отца моего, находящегося Камышловского уезда в селе Четкаринском Диякона Николая васьилева Кузовникова, осталась мать моя с тремя сыновьями, большим прочих мною, и двумя дочерми всеми меня меньшими; будучи в таком сиротстве как я уже обучен был Словесной Грамоте, Письму и Нотному пению; то Епархиальное Начальство для пропитания семейства, определило меня в 1813м Году пономарем к служению Четкаринской Предтечиевской Церкви, и быв в той должности, воспитывала мать моя с помощью моею меньших братьев и сестер моих, и содержал я среднего брата Пистра ныне находящегося (дьячком в Галкинском селе) в долматовском уездном училище, на всем моем содержании около четырех лет, а равно и меньшего брата Стефана обучив грамоте письму и пению и также недолгое время содержал в том же далматовском училище

¹ Сулоцкий А. Преосвященный Афанасий Тобольский. // Русский архив, 1881. Т. II. С. 400.

² Там же. С. 401.

(ныне диаконом в Чернокоровском селе). Таким образом пребывая в доме отца моего, наконец вытребован был в Камышловское духовное правление, для выдачи мне билета на отбытие в город Пермь к Высокопреосвященнейшему Аркадию Архиепископу Пермскому и Верхотурскому: по явке моей к нему, убежден был принять сан Священника, и посвящен был во оногo и выдана мне Священническая Грамота Камышловского ж уезда Тамакульской слободы к Георгиевской церкви; но вместо того повелено было мне отбыть для исправления Священнической должности Оренбургской Епархии Челябинского Уезда в Сладкокарасиевское Село к Единоверческой Спаской церкви, куда прибыв, что узнавши о том тамошнее духовное начальство мне от исправления Священнической должности, как другой Епархии Архиреем произведенному, устроило воспретив там оставаться, о чем между Епархиальными Начальствами производилась и переписка, по каковому случаю принужден я был возвратиться в Пермскую Епархию». ³

В своем прошении Иван Кузовников представляет дело таким образом, что именно архиерей, а не он, был инициатором рукоположения во священника. Получить священническое место пономарь без семинарского образования мог только в том случае, если соглашался служить в единоверческой церкви, но, судя по всему, большого числа желающих в середине 30-х гг. (Кузовников рукоположен в 1834г.⁴) еще не наблюдалось. В своем ответе Синоду Аркадий не отрицает тех фактов, которые относятся к рукоположению Кузовникова, его назначению в Оренбургскую епархию и отсылке оттуда, так что можно поверить о. Иоанну, что архиерей «убеждал» его принять сан. Назначая священника в другую епархию, пусть и к единоверческой церкви, архиепископ не просто покушался на чужие властные полномочия, но нарушал церковные каноны, поэтому даже странно, что в Оренбурге отреагировали на подобные действия столь кротко. Видимо, Аркадий уже набирал силу, и в Оренбурге, где он находился до перевода в Пермь, зная о его характере, решили не раздувать скандала. Интересно, что через три года после своего перевода из Оренбурга Аркадий настолько хорошо знаком с ситуацией на прежнем месте своего служения, что даже знает о наличии вакантных мест при церквях: он

³ РГИА. Ф.796. Оп.122. Д.188. Л.1-10б. «В клировых ведомостях Салдинского Села Верхотурского уезда за 1840 год Священник Иван Кузовников показан 41 года Дьяконский сын в Семинарии не обучался; 1815. февраля 24 числа определен был Пономарем [...]; 1834. Июня 11 числа посвящен во Священника в Тамакульскую слободу [...]; 1835. Генваря 29 числа переведен в Темновское Село; и 1840 годов февраля 27 числ в Салдинское Село». Содержит мать (65) и сестру (27 лет); имеет жену, сына 12 лет, обучающегося в далматовском училище и 4 дочерей (8, 7, 3 и 1 года). «Читает, поет и Катихизис знает хорошо, в поведении трезв и по должности исправен». В 1841г. совершил брак без оглашения – «ему сделано строгое подтверждение». - Там же. Л.4-4об. Здесь и далее в цитатах из архивных документов сохраняется орфография и пунктуация подлинника.

⁴ Там же. Л.4.

действительно хотел быть хозяином всех соседних епархий. Вполне вероятно, что посылка Кузовникова в Оренбургскую епархию была для Аркадия «пробным шаром»: архиепископ хотел определить, до какой степени он может усилить свое влияние на соседей, но быстрая, хотя и достаточно осторожная реакция Оренбурга, показала ему те рамки, за которые он не должен был заходить. Впрочем, возможно также и то, что подобные назначения архиепископ Аркадий делал неоднократно, но только в случае с Кузовниковым дело стало известно Синоду (а ко времени рассмотрения священнической жалобы позиции пермского архиерея были уже настолько прочны, что Синод даже не обратил внимания на подобное самоуправство).

Вернувшийся из Оренбургской епархии Кузовников стал для архиепископа фигурой неудобной. Вообще непонятно, почему Аркадию так поспешно понадобилось превращать этого пономаря в единоверческого священника, и, кстати, хотя Кузовников имел право служить только на единоверческом приходе, официально он был назначен к православному храму. Возможно, что просто понадобилось освободить пономарское место в Четкаринском селе, но подтвердить это предположение сегодня вряд ли удастся. Место причетника в Четкаринском селе не производит впечатления особо выгодного. В селе проживали старообрядцы (в 1843 году – 89 «душ», видимо, учитывая только мужчин, хотя в документе это не оговаривается), но это могло сделать привлекательным священнослужительское, а не причетническое место, поскольку именно священники обычно получали взятки за внесение ложных данных в исповедные росписи, а также за совершение треб для представителей некоторых старообрядческих согласий. Духовенство получало рядную ругу хлебом («Священнику по пуду Диакону с причетниками по полупуду»), а землю не пользовалось.⁵

В тоже время представляется сомнительным, что Аркадий взял для своего «эксперимента» первого попавшегося причетника. Даже если предположить, что Кузовников все-таки сам просил рукоположить его во священника, остается непонятным, почему после его возвращения ему не было предложено место при единоверческой церкви в Пермской епархии. Аркадий велит ему искать праздное место, он обращается в Тамакульскую слободу, так как в нее назначен, а место свободно. «К прихожанам которые зная мое поведение по недалекому расстоянию от прежнего моего местопребывания все радушно пожелали меня иметь при ихней Церкви Священником, постановя о том свой общественный одобрительный приговор за общественным и всех

---

⁵ ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.80. Л.2об-3.

священноцерковнослужителей подписом».⁶ Но вместо этого Иван Кузовников был определен в Темновское село на место вдового священника Стефана Попова. Определен к православной церкви, хотя и временно, до окончания следствия по делу Попова: «а по прибытии моем в Темновское Село к должности также предписано было 1835го года Августа 9го дня от начальства удостоверится о поведении Священника Стефана Попова, коей бывал прежде за любодейную жизнь по доказательству той церкви прихожан запрещен священнослужения бывшим епископом Мелетием Пермским, то как я был тут новый не зная, что о поведении Священника Попова сказать: спросил о том Дьячка Платона Минеева и Пономаря Василия Задорина, а они и представили мне переписку Священника Попова с девкой Настасьей Чертищевой в блудодейной его с нею связи, которые начальству на вид и представлены и потому велось о том делопроизводство, которое с того времени имея разные переливы при котором многие были чрез многократные спросы люди спрашиваны и в том ясные изобличения и подписками их к тому же и при следствии даже найдены открылось: но остается то дело ничем и поныне не решенным, а мне причтено оное в затейность доноса, но ежели бы оное все дело со всюю подробностью для рассмотрения вытребовано было от Епархиального Начальства в Святейший Правительствующий Синод, тобы открыта была вся истина всех происходимых обстоятельств и моя в том невинность, и никакой бы моей затейности не оказалось, и не пострадал бы я в безвинном отрешении от Темновской церкви переводением верхотурского уезда в Салдинское село состоящее около трех сот верст от Темновского села, в котором я обзавелся домом, теперь должен оного лишиться и потерпеть раззорение».⁷

Упомянутый в жалобе Кузовникова епископ Мелетий (Леонтович) находился на Пермской кафедре с 1826 по 1831 гг., значит, дело Стефана Попова длится на момент появления в селе нового священника уже не менее трех с лишним лет. В связи с этим рвение Кузовникова в изобличении предшественника кажется излишним: вряд ли он мог найти новые доказательства вины Попова; если ему что-то и поручили при назначении на место, то действительно просто удостоверится в поведении Попова в настоящее время. Иван Кузовников хочет закрепиться на селе любыми средствами, поэтому в доносительстве он обвинен, скорее всего, по справедливости. Дело же Стефана Попова и вправду было запутанным. Основным обвинителем священника выступал крестьянин Андрей Чертищев, причем ненависть его к

⁶ РГИА. Ф.796. Оп.122. Д.188. Л.1об.

⁷ Там же. Л.1об.-2.

священнику была так сильна, что очередную жалобу на него он принес в Камышловское волостное правление уже в 1842 г. Сам Попов объяснял поведение Чертищева тем, что тот должен был священнику деньги, которые не хотел возвращать. Судя по всему, доказательств вины Попова так и не смогли найти, но затянувшееся следствие довело священника до того, что он сам подавал жалобу в Синод и даже просил о снятии с него сана, но Синод «предписал убедить» его остаться в духовном звании.⁸ Возможно, что просто убрать Попова из Темновского для прекращения раздоров духовным властям представлялось не совсем удобным потому, что он служил в этом селе с 1801г., при нем была построена сельская церковь («иждивением прихожан»,⁹ так что заслуга в сборе средств и организации строительства во многом могла принадлежать и священнику), был в свое время благочинным, был награжден набедренником; но после жалобы Чертищева в 1842г. Попову было приказано переехать на жительство к родственникам, которые согласятся его содержать (найти таковых тоже было бы непросто, поскольку Стефан Попов был уже стар и содержал овдовевшую сноху с двумя малолетними сыновьями).¹⁰ Желавший остаться в Темновском Иван Кузовников, разумеется, близко сошелся с Чертищевым (в своей жалобе особо подчеркивает, что поручает отдать письмо на почту «Темновского села прихожанину человеку доброму крестьянину Андрею васьилеву Чертищеву»¹¹), и главный аргумент против Попова у них общий: многие прихожане не желают приглашать к себе Попова с требованиями, а привозят священника из другого прихода.¹² Покупка дома в Темновском заставляет Ивана Кузовникова продолжать борьбу за это место даже после того, как Стефан Попов был разрешен в священнослужении.

В своем ответе Синоду, рассматривавшему жалобу Кузовникова, архиепископ Аркадий ссылается прежде всего на неуживчивый характер Ивана Кузовникова, на которого (а также на дьячка и пономаря) приносили в 1839г. жалобу темновские крестьяне. В жалобе упоминалось, что в 1836г. священник порубил лес на дрова, «рассек скотскую их загороду не меньше как на 66 саж.»; но в 1839г. Кузовников, Минеев и Задорин в свою очередь принесли схожую жалобу на крестьян, «что они вытравляют своими лошадьми у них [...] Церковные покосы, и огород около тех покосов разламывают» – «о чем сообщено в Пермское Губернское Правление на его распоряжение». Решено было в просьбе о замене крестьянам отказать, так как те не смогли

⁸ ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.75. Л.7-8.

⁹ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С.389.

¹⁰ ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.75. Л.7об.-8. В 1842г. Стефану Попову был 61 год (РГИА. Ф.796. Оп.122. Д.188. Л.8).

¹¹ РГИА. Ф.796. Оп.122. Д.188. Л.2об.

¹² Там же. Л.2об.; ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.75. Л.7.

предоставить доказательств вины клириков.¹³ Кроме того, в своей жалобе крестьяне указывали, что «приходский их Священник Иоанн Кузовников с самого поступления в их Село в течении четырех лет хотя мирские требы по обряду Христианства исправляет, однакож с большим ропотом, многим внушает, что рождаются у них почасту младенцы как будто чертята, коих нередко приказывает молитвовать и крестить в озарте, за обмолитвование берет корысти своей не по одинаковому количеству денег по семидесяти копеек и по рублю», вымогает «пожертвования» сверх денег, «имеет сварливое поведение, со многими производит ссоры и тяжбы».¹⁴ Возможно, что причина такого поведения Ивана Кузовникова крылась не только в его характере, но и в том, что поднявшийся на «недосягаемую высоту» пономарь именно капризы и взятки считал привилегиями священнического статуса и старался положению этому соответствовать.

Аркадий подтверждает практически все факты, приведенные в жалобе Кузовникова, но иначе эти факты оценивает, а затем делает довольно неожиданное заключение: «проситель потому только произведен во Священника, что изъявил желание поступить к Единоверцам, но и у Единоверцев не ужился».¹⁵ 31 марта 1842г. Синод постановил отказать Кузовникову в возвращении его в Темновское село и не назначать его в Тамакульскую слободу, поскольку в ней, по сообщению архиерея, есть старообрядцы, а на такие приходы назначают священников «дознанной способности и нравственности», но «предоставить ему право сыскать и просить Епархиальное Начальство об определении на другое место» и взыскать с него деньги за израсходованную гербовую бумагу.¹⁶ Синод даже не обратил внимания на то, что на самом деле Иван Кузовников никогда не служил у единоверцев, и, перемещая его с места на место, архиепископ Аркадий несколько раз нарушил церковные законы (первоначально назначив его в чужую епархию, а затем поместив на православный приход, хотя бы и временно). Примечательно также, что сам Кузовников, говоря о праздных священнических местах по соседству с Темновским селом, ни разу не употребляет слово «единоверческий»: вполне вероятно, что он уже считает себя вправе претендовать на православный приход. Дело это, при всей внешней незначительности, доказывает, что назначения на священнические места в период управления епархией архиепископом Аркадием были связаны со

¹³ РГИА. Ф.796. Оп.122. Д.188. Л.6-6об. Интересно, что Кузовников объяснял жалобу крестьян на себя происками дьячка и пономаря (Там же. Л.2.)

¹⁴ Там же. Л.5об-6.

¹⁵ Там же. Л.7.

¹⁶ Там же. Л.10-10об.

многими злоупотреблениями, и само духовенство воспринимало это как норму. Реакция же Синода вызывает вопрос: как же относились к церковному законодательству в других епархиях?

Медведева М.Л.

Лосев А.Ф.: некоторые аспекты философии языка

В последнее время обнаруживается устойчивый интерес исследователей к различным аспектам философии языка. Нельзя не отметить, что возможность философствовать о языке понимается, прежде всего, как направление западно-европейской философии. Авторы исследуют изменение статуса языка в период между Ф.Ницше и М. Хайдеггером (язык стал пониматься как нечто первичное, стоящее вне разграничения субъекта и объекта), говорят об «онтологическом повороте герменевтики на путеводной нити языка»¹³¹ (Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер), называют язык средой и средством коммуникации (Ю. Хабермас), определяют слово как трансценденталию человеческого существования (М. Фуко). Главными достижениями этих исследований стало то, что язык предстал неотделимым от человеческого сознания, опыта, познания, вошел в центр философского анализа. Главенствующим становится антропологический подход к анализу языка. Обратимся к философским воззрениям Лосева (как представителя отечественной мысли), посвященным языку.

Сам А. Ф. Лосев определяет свой метод исследования языка¹³² как диалектико-феноменологический. Для него «диалектика – это единственный метод, способный охватить живую действительность в целом».¹³³ Этот метод с одной стороны позволяет философу объединить феномены, которые составляют метафизическую сущность в единое слово, которое есть миф.¹³⁴ А с другой стороны, определение противоположности в единстве феноменов дает возможность Лосеву последовательно редуцировать эти феномены-смыслы, которые присущи мифу, до выявления чистой сущности. Феноменология Лосева – это «осознание умом смысловой структуры слова, независимо от

¹³¹ См. Гадамер. Х. Г. Истина и метод. М., 1988

¹³² В литературе понятия философия языка и философия имени Лосева отождествляются. Имя и слово также зачастую выступают в одном понятийном контексте.

¹³³ Лосев А. Ф. Философия имени, М., -1990, стр.20

¹³⁴ Диалектическая формула мифа, по Лосеву, такова: «миф есть в словах данная личностная история». (курсив мой – М. М.). Лосев А.Ф. Диалектика мифа// А. Ф. Лосев. Составление, подготовка текста, общая редакция А.А. Тахо – голи, В. П. Троицкого. М.: - 2001. стр.171. То есть миф – это имя, чудесное имя, собственное слово личности.